

Закупки инновационной продукции в системе инновационно-инвестиционной политики государства¹

К.А. БЕЛОКРЫЛОВ, кандидат экономических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. E-mail: kbelokrylov@sfedu.ru

Автор, опираясь на существующие исследования мировой практики реализации инновационно-инвестиционной политики, определяет модель такой политики, практикуемую в России, как неоклассическую, базирующуюся на прямом перераспределении ресурсов. Некоторые аспекты реализации этой модели показаны на примере Ростовской области. Проведен анализ динамики среднегодовой выработки на одного работника крупных и средних организаций по шести инновационным кластерам области, выявлены основные факторы, влияющие на изменение показателей инновационной деятельности региона. В качестве важнейшего инструмента инновационно-инвестиционной политики идентифицированы закупки инновационной продукции для государственных, муниципальных и корпоративных (регулируемых организаций госсектора) нужд. На основе аудита эффектов формирования единой контрактной системы выделены противоречия и сохраняющиеся проблемные зоны закупок инновационной продукции для нужд общественного сектора. Предложены приоритетные направления стимулирования спроса на инновации со стороны его организаций.

Ключевые слова: инвестиционный климат; новая индустриализация; 4-я промышленная революция; инновационные кластеры; закупочная политика; инновационная продукция; критерии инновационности; спрос на инновации; Координационный совет

Совершенствование инновационно-инвестиционной политики: мировой опыт, модели и особенности в современной РФ

Закупочная политика государства – одна из важнейших составляющих экономической стратегии. В России по итогам 2017 г. масштабы таких госзакупок (с учетом государственно-корпоративного сектора) достигли 37% ВВП (12 млн ед. товаров, работ, услуг на 34 трлн руб.). В связи с этим четко тестируются положительные эффекты воздействия закупок на реализуемую

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 16–02–00469–ОГН «Институты реализации новой промышленной политики» (рук.: к.э.н., доцент кафедры экономической теории ЮФУ Ипатова А.В.).

в последние годы политику импортозамещения, промышленную [Белокрылов, 2016] и социальную [Белокрылова, Вахтина, 2017].

Ускоряющееся подключение России к достижениям 4-й промышленной революции объективно обуславливает целеориентацию госзакупок на повышение эффективности национальной инновационно-инвестиционной политики. Однако даже последние законодательные новации² не обеспечивают стимулирования закупок инновационной продукции. Это ставит задачу разработки системы институционально-экономических мер по усилению взаимосвязи закупочной деятельности государства с инновационно-инвестиционной политикой на основе, в частности, анализа мирового опыта и оценки возможностей его применения в России.

Прежде всего, отметим, что модернизация институциональных оснований инновационно-инвестиционной политики развитых стран, как правило, осуществляется в контексте активизации базовых составляющих благоприятного инвестиционного климата: политической, макроэкономической и финансовой стабильности, условий внешнеторговой деятельности, институтов, инфраструктуры, человеческого капитала, налогообложения [Stern, 2002; Kikeri et al., 2006; Seker, 2011]. Учитывая достаточно высокую степень политической стабильности в РФ и достигнутые успехи в улучшении инвестиционного климата³, в 2015–2016 гг. основным направлением поддержки инвестиционной активности в нашей стране было достижение макроэкономической и финансовой стабильности. В частности – стабилизация инфляции как одного из факторов, дающих наиболее заметный и быстрый эффект [Bastos, Nasir, 2004. P. 2–3; Kikeri et al., 2006. P. 17–18]. Действительно, индекс роста потребительских цен снизился со 112,9% в 2015 г. до 102,5% в I полугодии 2018 г.⁴

Что касается мер прямого стимулирования инновационной активности, их набор глубоко дифференцирован в разных странах. Так, в США ключевыми акторами системы НИОКР являются негосударственные организации, которые финансируют научные

² Федеральный закон № 504-ФЗ от 31 декабря 2017 г. «О внесении изменений в федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

³ За 2012–2018 гг. Россия поднялась в рейтинге Doing Business со 120-го места на 31-е. URL: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings>

⁴ Социально-экономическое положение России. 2015 год (2016 год, 2017 год, январь-июнь 2018 года). М.: ФСГС, 2016 (2017, 2018). С. 6.

исследования через систему контрактов и грантов [Семенова, 2005]. В Германии создаются сети региональных инновационных фондов с постепенным перенесением центра тяжести инновационной деятельности на малые и средние предприятия. Япония направляет на исследования и разработки 3,55% ВВП, причем доля бизнес-исследований и разработок (R&D) составляет 75%, в основном это венчурные инвестиции бизнес-ангелов (Technology., 2018. Р. 39, 95). В Австралии государство возвращает компаниям налоговые сборы за НИОКР (до 4 млн долл. США в год), при этом дополнительные суммы переносятся на будущие периоды [Federal., 2018]. Южная Корея с 2015 г. уверенно занимает 1-е место в рейтинге Bloomberg Innovation Index⁵, что, с одной стороны, обусловлено высокой долей финансирования бизнесом НИОКР, а с другой – ростом инвестиций государства в повышение качества образования, эффект которых проявляется, например, в росте публикаций ученых и профессоров университетов в высокорейтинговых научных журналах с 27 в 1973 г. до 23049 в 2005 г.

В целом же в научной литературе выделяют две модели государственной инновационно-инвестиционной политики, различающиеся особенностями их разработки, целеориентации и эффектов реализации – неоклассическую и эволюционную [Edquist, 1997. Р. 78]. Так, в рамках неоклассической теории потребность в государственном финансировании НИОКР объясняется необходимостью коррекции провалов рынка (market failures). При этом общественные выгоды от инвестиций в науку и технологии превалируют над доходами частных инвесторов [Arrow, 1962. Р. 168]. В рамках эволюционной модели инновации рассматриваются как сложное явление, характеризующееся высокими рисками и требующее расширения доступа к знаниям, организации эффективного взаимодействия между всеми участниками инновационного процесса, которое и позволяет компенсировать риски.

На наш взгляд, совершенствование инновационно-инвестиционной политики России осуществляется на основе базовой неоклассической модели прямого перераспределения ресурсов.

⁵ Bloomberg Innovation Index (2018) URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls>

В частности, начата разработка системы мер по обеспечению равного доступа государственных вузов и научных организаций к участию в конкурсах на проведение научных исследований за счет средств федерального бюджета, для государственных корпораций формируются процедуры контроля инновационной активности и т.д. Инструментами реализации неоклассической модели в РФ выступают стимулирование инновационных фирм через инвестиционный налоговый кредит, вычеты по налогу на прибыль, особый режим налогообложения для резидентов ОЭЗ и участников проекта «Сколково», льготы по взносам во внебюджетные фонды, льготы по НДС, льготы по налогам на имущество и земельному, т.е. перераспределение бюджетных средств в сторону инноваторов. При этом используются элементы эволюционной модели, базирующейся на компенсации провалов обучения, предполагающей расширение государственных инвестиций в человеческий капитал, например, частично невозвратных образовательных кредитов, субсидирование затрат на формирование инновационных компетенций персонала.

Эффективность этой стратегии подтверждается расчетами П. Ромера⁶, включившего инновации в кейнсианскую модель экономического роста Р. Солоу. В формирующейся экономике знаний основным фактором экономического роста являются капиталовложения в НИОКР и инвестиции в человеческий капитал, генерирующий инновации. Поскольку инновации, в отличие от всех других факторов производства, характеризуются возрастающей отдачей, экономика, располагающая ресурсами человеческого капитала и развитой наукой, имеет лучшие перспективы роста, чем та, что лишена этих преимуществ [Romer, 2015]. При этом государства могут по-разному расставлять акценты на этих составляющих. Так, Р. Нельсон и П. Ромер показали, что в долгосрочной перспективе США и страны Запада проигрывают Китаю, осуществляющему масштабные инвестиции в фундаментальные исследования. В то же время стремительный рост экономики знаний в Финляндии свидетельствует о том, что недавняя модернизация национальной системы образования, инвестиции в формирование человеческого капитала способны привести к быстрой отдаче от вложений.

⁶ Нобелевский лауреат по экономике 2018 г.

Сравнение российской практики с зарубежным опытом реализации инновационно-инвестиционной политики позволяет предложить следующие стратегические направления совершенствования системы государственного регулирования инновационно-инвестиционных процессов в РФ:

- стимулирование спроса на инновации посредством развития сетей (networking) внутри инновационных кластеров, творческих сообществ, малых инновационных предприятий и поддержки их участников;
- институционально-правовая ориентация государственных и государственно-корпоративных закупок на увеличение объемов закупок инновационной продукции;
- обеспечение более тесной взаимосвязи закупочной, инновационной и промышленной политики;
- расширение набора инструментов стимулирования инноваций;
- ускоренное распространение лучших отечественных и зарубежных практик поддержки инноваций;
- увеличение объемов финансирования фундаментальной науки как академической, так и вузовской и упрощение условий доступа к грантовому финансированию для представителей высшей школы и научного сообщества (более широкое оповещение о проводимых конкурсах через высокорейтинговые и широко востребуемые научные издания РАН, высшей школы, отраслевые журналы, унификация требований и форм заявок различных научных фондов);
- модернизация системы образования, в том числе высшего, в направлении подготовки специалистов для инновационной экономики и инновационной трансформации содержания традиционных профессий.

Динамика инновационно-инвестиционной деятельности в Ростовской области

Реализация инновационно-инвестиционной политики в регионе осуществляется на основе областной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика». При этом хотя стоимостной объем инновационных товаров, работ, услуг в Ростовской области значительно вырос: с 40543,1 млн руб. в 2012 г. до 133792,6 млн руб. в 2016 г., говорить о безусловной

успешности проводимой политики, на наш взгляд, рано. Во-первых, почти половину упомянутого прироста «съела» инфляция. Во-вторых, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП сократилась с 21,2% в 2011 г. до 20,4% в 2017 г.⁷ Кроме того, уменьшилась инновационная активность организаций⁸ – с 8,7% в 2012 г. до 8,4% в 2016 г.⁹ Следует отметить, что аналогичные тенденции наблюдаются и по России в целом: инновационная активность организаций снизилась с 10,4% в 2011 г. до 8,5% в 2017 г.¹⁰

На наш взгляд, негативную динамику некоторых показателей инновационной активности страны и региона в определенной мере можно объяснить влиянием кризиса 2015–2016 гг. В условиях выхода из кризиса, начавшегося с 2017 г. (прирост ВВП РФ составил 1,5%), в стране в целом и в Ростовской области возобновились процессы освоения новых видов продукции и технологий ведущими промышленными предприятиями. Так, в 2017 г. с аэродрома Таганрогского авиационного научно-технического комплекса им. Г. М. Бериева произведен первый вылет многофункционального авиакomплекса радиолокационного дозора и наведения А-100, Комбайновый завод «Ростсельмаш» начал серийное производство тяжелых тракторов Версатайл (Versatile) 2735, выпустил опытный образец зерноуборочного комбайна Нова (Nova) (его серийное производство началось в 2018 г.). На базе Новочеркасского электровозостроительного завода начато серийное производство 4-х-секционного локомотива «Ермак», который будет водить тяжеловесные поезда в условиях сложного природного рельефа.

Следует подчеркнуть, что в Ростовской области кризисного падения производства ВРП не наблюдалось: 2015 г. – 104%, 2016 г. –

⁷ Рассчитано по: Статистический ежегодник: Ростовская область в цифрах 2016. Стат. сборник. Ростов-на-Дону, 2017. С. 21, 24.

⁸ Показатель представляет собой удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций.

⁹ Основные показатели инновационной деятельности. URL: http://www.rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/db81d08046edfc5f806db887789c42f5/ (дата обращения: 24.07.2018).

¹⁰ Основные показатели инновационной деятельности. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 24.07.2018).

102,8%, 2017 г. – 102,9%¹¹. Во многом это обусловлено, на наш взгляд, эффективным стимулированием процесса реиндустриализации экономики области [Белокрылова, 2015], целенаправленной активизацией диффузии новых индустриальных технологий, прежде всего, в семи индустриальных парках региона. Кроме того, достаточно высокая динамика наблюдалась на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (НПП «Квант», «Горизонт» и др.), продукция которых была востребована в условиях военной операции в Сирии. Помимо выпуска военных изделий эти предприятия реализуют проекты по созданию высокотехнологичной продукции гражданского назначения. Так, НПП «Квант» развивает производство мобильного аппаратно-программного комплекса длительного кардиомониторирования и эргометрии, «Горизонт» реализует проекты по созданию системы управления движениями судов, комплекса обзора летного поля «Аксай».

Существенную роль сыграло также появление в регионе новых институтов развития, в частности, создание «Донского инжинирингового центра» на базе Донского государственного технического университета. В его задачи входит технологический консалтинг машиностроительных предприятий, помощь им в выводе инновационной продукции на национальный и мировой рынки.

Для выявления причин негативной динамики ряда показателей инновационной активности в Ростовской области мы оценили динамику удельной выработки (на одного работника) наиболее инновационно-ориентированных организаций области – участников инновационных территориальных кластеров. Для элиминирования зависимости выработки, рассчитываемой по товарной (валовой) продукции, от стоимости применяемого сырья и материалов, объемов кооперированных поставок, ценового фактора, мы взяли за основу расчетов нормативную чистую продукцию по каждому конкретному предприятию и показатель реализованной продукции (товаров, работ, услуг), определяющий эффективность его деятельности в рамках кластера. Результаты расчетов представлены в таблице.

¹¹ Валовой региональный продукт Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?itemId=127069&mid=128713&pageid=124053> (дата обращения: 24.07.2018).

**Динамика среднегодовой выработки на одного работника
инновационных кластеров Ростовской области
в 2015–2016 гг.**

Инновационный территориальный кластер	Среднегодовая выработка на одного работника, тыс. руб.		2016 г., % к 2015 г.
	2015	2016	
«Южное созвездие»	552,3	875,0	158,4
«Морские системы»	689,1	692,8	100,5
«Станкостроение»	864,3	468,8	54,2
«Биотехнологии»	6545,7	8011,0	122,4
«Донские молочные производители»	1636,1	2087,6	127,6
«Информационно-коммуникационные технологии»	8127,0	7232,1	89,0
Итого	1108,6	1332,6	120,2

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и бухгалтерской отчетности обследуемых предприятий.

Анализ показал, что по четырем из шести инновационным кластерам области среднегодовая выработка на одного работника в 2016 г. сложилась выше уровня 2015 г.

Для оценки влияния изменения выручки и численности работников на динамику удельной выработки был проведен пофакторный анализ методом цепной подстановки, который выявил, что наиболее значимое влияние на общие показатели всех кластеров в 2016 г. оказало сокращение выручки от реализации продукции по кластерам «Станкостроение» – на 32,5%, «Информационно-коммуникационные технологии» – на 5,4% и «Морские системы» – на 0,4%. Это свидетельствует о кризисном сокращении спроса на высокотехнологичную продукцию ряда отраслей. И хотя общие показатели по всем кластерам, как и объем регионального ВРП по итогам года, продемонстрировали положительную динамику, фактический прирост мог бы быть значительно выше, при условии реализации системы мер по стимулированию государственного и корпоративного спроса на инновационную продукцию в сфере станкостроения, информационно-коммуникационных технологий, систем связи.

Кроме того, на положительную динамику удельной выработки инновационных организаций оказало влияние снижение численности работников, которое в 2016 г. тестировалось по кластерам «Южное созвездие» (89,3%), «Донские молочные производители» (92,6%), «Биотехнологии» (95,1%), «Морские

системы» (99,1%). Этот негативный эффект кризисной оптимизации занятости частично был компенсирован ростом штатной численности по кластерам «Станкостроение» (124%) и «Информационно-коммуникационные технологии» (106,4%).

Однако в целом сокращение занятости наиболее качественных трудовых ресурсов в дополнение к снижению доли затрат региональных организаций на технологические, организационные, маркетинговые инновации в общем объеме отгруженной продукции с 4,2% в 2015 г. до 3,8% в 2016 г. (на 10,3% по объемам), отражающему сокращение инвестиционной активности, предопределяют дальнейшую понижательную динамику инновационной деятельности в регионе.

Проанализировав инновационно-инвестиционную деятельность организаций г. Ростова-на-Дону, мы выяснили, что в 2016 г. сократились прежде всего их расходы на технологические инновации (на 10,4%), финансовые вложения организаций научной сферы (на 17,9%) и сектора связи (на 9,4%), но возросли затраты на маркетинговые инновации (на 33,3%)¹². На наш взгляд, выявленные негативные тенденции позволяют выделить основные болевые точки и обозначить ключевые направления стимулирования инновационной деятельности в регионе, одним из которых является стимулирование спроса через систему госзакупок.

Публичные закупки как эффективный инструмент инновационно-инвестиционной политики

В последнее десятилетие во всем мире наблюдается растущий интерес к использованию публичных закупок в целях ускорения перехода экономики на инновационный путь развития. Все большее число ученых и правительств стран мира считают, что государственные и – шире – публичные закупки должны более активно использоваться для содействия внедрению новых технологий и в целом ускорения экономического развития¹³ [Lember et al., 2014; Edler, Georgiou, 2007; Белокрылова, 2017]. В частности,

¹² Инновационный паспорт города Ростова-на-Дону 2018. Ростов н/Д: Департамент экономики города, 2018. С. 42.

¹³ European Commission. Final evaluation of the lead market initiative. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/policy/lead-market-initiative/files/final-eval-lmi_en.pdf (accessed: 10.02.2018).

на закупки инновационной продукции ориентировано реформирование системы публичного прокьюремента ЕС^{14,15}, многочисленные новые программы в странах-членах Европейского союза, Австралии¹⁶, программа Местной инновационной политики в Китае [Edler et al., 2007] и программы промышленной политики по использованию государственных закупок в Бразилии [Prochnik, 2010].

Во многом они опираются на накопленный мировой положительный опыт. Например, в США именно программы госзакупок сыграли ключевую роль в создании и распространении таких технологий, как Интернет, глобальная спутниковая система радиолокации, полупроводниковая промышленность [Lember et al., 2014; Ruttan, 2006]. Аналогичные успешные государственные проекты были реализованы в Европейском союзе, Восточной Азии [Lember et al., 2014; Edquist, Hommen, 2000], Японии и Швеции.

Отличительной чертой современных программ стимулирования инноваций через публичные закупки является фокусировка на закупках *технологически новой* продукции и услуг и организационных инноваций.

В научной литературе бюджетные закупки инноваций трактуются в основном как ситуация, в которой госучреждения размещают заказы на продукцию (товары, услуги или системы), которая еще не существует, но должна быть разработана в течение периода действия госконтракта [Edquist, Hommen, 2006]. Однако, на наш взгляд, такой подход чрезмерно узок и ограничивает возможности механизма инновационных госзакупок.

При этом следует подчеркнуть, что публичные закупки инноваций, как и инновационно-инвестиционная политика в целом, характеризуются определенными диалектическими противоречиями. Так, с одной стороны, госзакупки выступают эффективным инструментом широкого распространения инноваций, но с другой – очень часто эта их роль реализуется в рамках «закрытых» закупок военно-промышленного назначения (оборонзаказа). Плюс ко всему система публичных закупок неизбежно

¹⁴ European Commission. Lead market initiative. URL: <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/policy/lead-market-initiative/#h2-2> (accessed: 10.02.2018).

¹⁵ European Commission. Pre-commercial procurement. URL: http://ec.europa.eu/information_society/tl/research/priv_invest/pcp/index_en.htm (accessed: 10.02.2018).

¹⁶ Organization for Economic Co-operation and Development. Demand-side innovation policies. (2011). OECD Publishing, Paris.

характеризуется определенной консервативностью, поскольку заказчик должен заранее прописать основные характеристики продукции (составить спецификацию). В связи с этим инновационный потенциал публичных закупок нередко рассматривается лишь как побочный продукт закупочной деятельности в целом, основная задача которой состоит в повышении эффективности государственных расходов. Именно такая трактовка отражена в соглашении о госзакупках ВТО.

Система публичных закупок инновационной продукции в России

Несмотря на то, что бюджетные закупки уже не один год используются в качестве эффективного инструмента реализации российской промышленной политики [Белокрылов, 2016. С. 138–146], в стране до сих пор существует проблема идентификации инновационной продукции. В федеральном законе № 44-ФЗ предусматривается лишь перечень случаев, когда продукция относится к инновационной, но сам список утверждает Правительство РФ¹⁷. Поэтому в каждой отрасли народного хозяйства разработаны собственные критерии отнесения товаров, работ, услуг к инновационным. Так, Министерство образования и науки РФ институционализировало следующие критерии¹⁸.

1. Научно-техническая новизна с характеристиками:

– усовершенствованность свойств по сравнению с существующими аналогами, а при их отсутствии – качественно новые характеристики, способствующие повышению конкурентоспособности товара; или новый способ применения товара, обеспечивающий расширение области его использования и внедрения на новые рынки;

– использование новых или модернизированных оборудования, технологий, материалов, которые значительно улучшают потребительские, технические, экономические и др. показатели товара.

¹⁷ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апреля.

¹⁸ Приказ от 1 ноября 2012 г. № 881 «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции».

2. Практическое применение в одной или нескольких областях промышленности.

3. Научеёмкость, использование в процессе производства высококвалифицированного интеллектуального труда и результатов интеллектуальной деятельности, подлежащих правовой охране.

4. Экономический эффект в процессе внедрения продукции.

При этом для высокотехнологичной продукции в том же ведомстве сформирован отдельный перечень критериев.

Федеральным законом № 44-ФЗ предусмотрен и специальный порядок закупки «технически и технологически сложной, инновационной, высокотехнологичной и специализированной продукции», призванный исключить ценовой демпинг и участие в процессе посредников. Так, в соответствии со ст. 56 этого закона заказчик обязан провести предквалификационный отбор потенциальных поставщиков. Кроме того, на первом этапе конкурса участники подают свои предложения в отношении объекта закупки без указания цены, после обсуждения с ними заказчик имеет возможность уточнить требования к техническим, качественным, функциональным или эксплуатационным характеристикам продукта, окончательно определиться с критериями оценки заявок. И лишь на втором этапе в заявках указываются цена и условия контракта.

Однако в целом приходится признать, что российское законодательство по публичным торгам не может использоваться для стимулирования заказчиков к закупкам инновационной продукции. В том числе, на наш взгляд, из-за отсутствия четкой, законодательно закреплённой системы оценки «инновационности».

Кроме того, анализ государственной контрактной системы позволяет выделить ещё ряд проблемных зон в сфере закупок инновационной продукции для нужд общественного сектора:

- отсутствуют регламенты обоснования цели, потребности в закупке и объемов выделяемых финансовых ресурсов;
- не институционализована четко регламентированная система преференций при закупках инновационной продукции;
- хотя при закупке сложной продукции заказчик вносит в критерии оценки уровень квалификации участников, его ориентация на инновационность не идентифицируется вследствие неточностей в формулировках;

– по регламенту заказчик при закупке инновационной продукции не может указывать товарный знак товара, но, на наш взгляд, при этом нецелесообразно указывать и эквивалент, так как инновационная продукция по определению должна отличаться улучшенными специфическими свойствами, а значит, полных аналогов (эквивалентов) иметь не может. Это противоречие не решено законодательно, руководствуясь принципом обеспечения конкуренции, заказчик нарушает принцип стимулирования инноваций и наоборот;

– корпоративные и государственные структуры не целенаправленно ориентированы на создание, производство и закупку новых технологий и инновационной продукции, вследствие высокого уровня налогообложения инновационной деятельности, например, по сравнению с добычей полезных ископаемых [Шестакович, Ишмухаметов, 2015. С. 78].

В качестве приоритетных направлений локализации этих проблем нами выделены:

– формальная институционализация в законодательстве общих понятий «инновационность» и «высокотехнологичность», а также закрытого перечня критериев оценки инновационной продукции и критериев отнесения продукции к инновационной;

– законодательная обязательность руководства заказчиков приоритетом закупки инновационной продукции;

– стимулирование спроса на инновации со стороны государственных и муниципальных организаций через создание информационной платформы данных об инновационных продуктах и технологиях (включая сведения о потребительских свойствах продукции, опыте ее эксплуатации и т.п.).

Конкретно в Ростовской области считаем целесообразным создание при Управлении закупок регионального Министерства экономического развития Координационного совета, который будет целенаправленно заниматься вопросами организации и стимулирования закупок инновационной продукции и услуг для общественных нужд. При этом можно использовать успешный опыт Рабочей группы по внедрению инновационной продукции и разработок, которая с 2015 г. функционирует при Департаменте потребительского рынка Ростовской области.

Важным фактором стимулирования закупочной активности государственных и муниципальных заказчиков в отношении

инновационной продукции выступает, на наш взгляд, также уровень квалификации специалистов по закупкам. Это ставит задачу обучения специалистов как со стороны заказчиков, так и бизнес-сообществ и граждан, в частности в соответствии с введенными в 2015 г. профессиональными стандартами в сфере публичных закупок.

Ростовская область еще с 1998 г. занимает лидирующие позиции среди российских регионов по подготовке специалистов в области публичных закупок. В регионе функционируют специализированные образовательные центры, предлагающие дополнительное образование в этой сфере, в Южном федеральном университете созданы соответствующие магистерские программы. Правда, на наш взгляд, стратегия развития магистратуры университета выбрана не совсем верная: вместо специализации студентов бакалавриата по направлению «Экономика» и другим взят курс на укрупнение содержания магистерских программ, что вряд ли способствует углублению компетенций учащихся.

Таким образом, в целом, проведенный анализ государственной стратегии стимулирования инноваций позволяет выделить в качестве ее приоритетного направления совершенствование институционально-правовой базы инновационной среды, в том числе – в сфере публичных закупок. При этом для расширения инновационной составляющей в закупках продукции для государственных, муниципальных и корпоративных нужд необходимо формирование таких институциональных условий и механизмов, которые обеспечивают стимулирование спроса на нее со стороны организаций общественного сектора. Эффективная инновационно-инвестиционная политика на макро- и мезоуровнях выступает необходимой предпосылкой ускорения инновационного развития и экономического роста.

Литература/References

Белокрылов К. А. Промышленная и закупочная политика государства: проблемы взаимосвязи // *Journal of Economic Regulation*. 2016. Т. 7. № 4. С. 138–146. DOI: 10.17835/2078–5429.2016.7.4.138–1460 / Belokrylov K. A. (2016). *Promyshlennaya i zakupochnaya politika gosudarstva: problemy vzaimosvyazi. Journal of Economic Regulation*. Т. 7. No. Pp. 138–146. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078–5429.2016.7.4.138–1460.

Белокрылова О. С. Институциональное проектирование стратегии реиндустриализации: перспективы донской экономики // *Journal of Economic Regulation*. 2015. Т. 6. № 1. С. 46–54. DOI: 10.17835/2078–5429.2015.6.1.046–054 / Belokrylova O. S. (2015). Institucionalnoe proektirovanie strategii reindustrializacii: perspektivy donskoj ekonomiki. *Journal of Economic Regulation*. T. 6. No. 1. Pp. 46–54. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078–5429.2015.6.1.046–054.

Белокрылова О. С. Смена технологических укладов или 4-я промышленная революция: Институционализация 4.0 Индустрии на Юге России // *Вестник экспертного совета*. 2017. № 3 (10). С. 12–21 / Belokrylova O. S. (2017). Smena tekhnologicheskikh ukladov ili 4-ya promyshlennaya revolyuciya?: Institucionalizaciya 4.0 Industrii na YUge Rossii. *Vestnik ehkspertnogo soveta. [Herald of the Expert Council]*. No. 10. Pp. 12–21. (In Russ.).

Белокрылова О. С., Вахтина М. А. Обеспечение доступа субъектов рынка социальных услуг к госзаказу: проблемы и решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 78–84 / Belokrylova O. S., Wachtina M. A. (2017). Obespechenie dostupa sub'ektov ryinka sotsialnykh uslug k goszakazu: problemy i resheniya. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. [State and Municipal Management: Scientists Notes of SKAGS]. No. 1. Pp. 78–84. (In Russ.).

Семенова А. Управление инновационными процессами // *Экономист*. 2005. № 5. С. 46–53 / Semenova A. (2005). Upravlenie innovacionnymi processami. *Economist. [The Economist]*. No. 5. Pp. 46–53. (In Russ.).

Шестакович А. Г., Ишмухаметов Н. С. Вопросы инновационного предпринимательства и сырьевой направленности России // *Вестник БИСТ*. 2015. № 4 (29). С. 78–80. / Shestakovich A. G., Ishmuhametov N. S. (2015). Voprosy innovacionnogo predprinimatelstva i syrevoj napravlennosti Rossii. *Vestnik BIST. [Herald of BIST]*. No. 4 (29). Pp. 78–80. (In Russ.).

Arrow K. (1962). Economic welfare and the Allocation of Resources for Invention. In R. Nelson (Ed). *The Rate and Direction of Inventive Activity: Economic and Social Factors*. London: Princeton University Press.

Bastos F., Nasir J. (2004) Productivity and the Investment Climate: What Matters Most? *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 3335.

Edler J., Corvers S., Xielin L. (2007). Public procurement and innovation in China: status quo, lessons from abroad and ways forward. Paris: OECD.

Edler J., Georghiou L. (2007). Public procurement and innovation: resurrecting the demand side. *Research Policy*. 36 (9). Pp. 949–963.

Edquist C. (1997). System of innovation approaches – their emergence and characteristics. In Edquist (Ed). *System of Innovation. Technologies, institutions and organizations*. London.

Edquist C., Hommen L. (2006). Public technology procurement and innovation theory. Herndon, VA, USA: World Bank Publication.

Kikeri S., Kenyon T., Palmade V. (2006). Reforming the Investment Climate: Lessons for Practitioners. Herndon, VA, USA: World Bank Publication.

Lember V., Kattel R., Kalvet T. (2014). Public Procurement, Innovation and Policy: International Perspectives. New York, Dordrecht, London: Springer Heidelberg, 311 p.

Romer P. M. (2015). Mathiness in the Theory of Economic Growth. *The American Economic Review*. Vol. 105. No. 5. Pp. 89–93.

Prochnik V. (2010). The Brazilian local content industrial policy for the oil and gas supply chain: the case of the purchase of process control equipment. Paper Presented in Administrative Culture Conference, May 6–7, in Tallinn, Estonia.

Ruttan V.W. (2006). Is war necessary for economic growth? Military procurement and technology development. New York: Oxford University Press.

Seker M. (2011). Trade Policies, Investment Climate, and Exports across Countries. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 5654.

Stern N. (2002). Dynamic Development: Innovation and Inclusion. Munich Lectures in Economics. Center for Economic Studies. Ludwig Maximilian University, Munich.

Technology and Innovation Report. (2018). New York and Geneva: United Nations. URL: file:///C:/Users/DNS/Downloads/1258_technology_a.pdf. (дата обращения: 10.02.2018).

Federal Budget 2018 and its impact on the R&D Tax Incentive. Sydney. 2018. URL: <https://charternet.com.au/federal-budget-2018-and-its-impact-on-the-rd-tax-incentive/> (дата обращения: 10.02.2018).

Статья поступила 25.06.2018.

Summary

Belokrylov K.A., Southern Federal University, Rostov-on-Don

Procurement of Innovative Products in the System of Innovation and Investment Policy of a State

Based on existing studies of the world practice of implementing the innovation and investment policy, the author determines the model of this policy in Russia neoclassical, based on direct redistribution of resources. Some aspects of the implementation of this model are shown on the example of the Rostov region. The analysis of the dynamics of the average annual output per employee in large and medium-sized organizations in six innovative clusters of the region has been carried out, and the main factors affecting the dynamics of indicators of innovation activity in the region have been identified. Procurement of innovative products for state, municipal, and corporate (regulated public sector organizations) needs has been identified as the most important tool of innovation and investment policy. Contradictions and persistent problem areas of the procurement of innovative products are highlighted based on the audit of the effects of the formation of a single contractual system. Priority directions for stimulating the demand for innovation from public sector organizations have been proposed.

Investment climate; new industrialization; fourth industrial revolution; innovation clusters; purchasing policy; innovative products; criteria for innovativeness; demand for innovation; Coordination Council